

МЫШЛЕНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К МЕТОДОЛОГИИ

В.М. Розин

Институт философии РАН,
Москва

iph@iph.ras.ru

В статье рассматривается эволюция отечественной методологической мысли. Речь идет о философской школе, получившей название «Московский методологический кружок». Анализируется переход от изучения мышления на первом этапе к конституированию мышления – на втором. Для первого этапа была характерна семиотическая и историческая трактовка мышления. На втором этапе ставится задача построения теории деятельности. Мышление здесь трактуется как вид деятельности, получает название «методологическое мышление». Источником знаний о мышлении выступает не его изучение, а творчество самих методологов. Анализируются особенности методологического мышления и новой методологической практики. В качестве предельной онтологии рассматривается методологическое мышление. Ставится задача реформирования неудовлетворительных форм мышления. Формулируются принципы методологического подхода: опора на творчество методологов, контроль за правильностью методологической мысли, связь методологии с философией, освоение интеллектуальных технологий, различение частной и общей методологии. В рамках новой методологической практики складываются нескольких самостоятельных направлений методологии и обозначается кризис методологической мысли. Обсуждаются подходы к его разрешению: новые вызовы времени, на которые должна ответить методология, необходимость разных вариантов «предельной онтологии», поддержание культуры методологического мышления, лучшее понимание истории методологии.

Ключевые слова: мышление, деятельность, методология, творчество, история, культура.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-56-66

Исследования позволили мне выделить следующие характеристики мышления. Первая: мышление действительно может быть представлено, с одной стороны, как *деятельность индивидов* (личности), с другой – как *деиндивидуальная деятельность*, для которой характерны механизмы воспроизводства, разделения труда и кооперации, трансляции, коммуникации, реализации определенных целей (решения задач) и ряд других. Вторая характеристика:

мышление представляет собой *дискурсивную мыслительную практику* (рассуждения, доказательства, построение схем, понятий, идеальных объектов и пр.). Третья: это *правильные способы дискурсии*, не приводящие к противоречиям и другим затруднениям, позволяющие эффективно решать мыслительные проблемы и задачи. Четвертая: мышление – *семиотическое образование*, т. е. в мышлении как деятельности создаются знаки, схемы, символы; на их же осно-

ве мышление функционирует и меняется¹. Пятая характеристика: в мышление входит *осознание (концепции) мышления* [3]. Шестая, специфически методологическая: *мышление двуслойно, оно содержит слой методологической работы и слой реализации методологических замыслов и планов*. Наконец, седьмая, социальная: хотя мыслит отдельный индивид или группа, решая определенные проблемы и задачи и выстраивая на основе мышления новую реальность, но *мышление меняется (транслируется) всем остальным индивидам*².

Достоинство предлагаемой методологической концепции мышления, на мой взгляд, в том, что она включает в себя (естественно, переосмысливая и объясняя) и другие концепции мышления: аристотелевскую, изложенную в работе «О душе», концепцию мышления Бэкона и Декарта, психологическую (например, концепцию мышления Вюрцбургской школы или А. Брушлинского), феноменологическую концепцию мышления, концепцию мышления ММК. В рамках этой концепции мышление понимается как органическое образование, становящееся и развивающееся под влиянием культуры, коммуникации и творчества индивидов, изобретающих дискурсивные способы мышления, а также отдельных личностей, которые строят концепции мышления. Целое – не отдель-

¹ В своих работах я показываю, как складываются рассуждения и познание, схемы и идеальные объекты. Становление и функционирование этих дискурсивных практик не может быть понято и объяснено без обращения к семиотике и схемологии (см. [1, 2]).

² Именно с этой целью Аристотель создает правила и категории, а также формулирует первую концепцию мышления, утверждая, что каждый человек обладает соответствующей способностью мышления. Эта способность, по Аристотелю, предполагала как раз использование правил и категорий, а также стремление к истине.

но мыслительные практики и концепции мышления, а именно мышление, причем *эволюционирующее*. Мои исследования показывают, что эволюция мышления состоит из циклов, обусловленных сменой культур и/или вызовами времени, причем каждый цикл, в свою очередь, включает два основных этапа: *становление* мышления и его *функционирование (и развитие)*. Можно говорить и о своеобразной *порче* (коррупции) мышления (или, в другом языке, «падении культуры мышления»)³.

С опорой на эту концепцию можно указать более конкретные задачи, которые решает методология, например, в плане перестройки и реформирования мышления в науке.

- Оценка состояния в некоторой области научного мышления и знания как неудовлетворительных.

- «Методологический поворот», т. е. переход от предметной, научной позиции к методологической, от изучения объекта данной науки к анализу «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, идеалов науки, типов знаний, основных дискурсов и способов мышления и прочее).

- Перестройка рефлексивных содержаний на основе определенных стратегий (деятельностной, системно-структурной, гуманитарной и других).

³ Состав самого первого цикла такой: становление античного мышления в работах Платона и Аристотеля, функционирование и развитие мышления в античной философии, науке, юриспруденции и политике. Порчу античного мышления можно увидеть (реконструировать) в «творчестве» многих античных политиков и юристов. По меньшей мере, два цикла мышления падают на Новое время. Первый новоевропейский цикл мышления вполне можно назвать по соответствующим двум концепциям – бэконовско-декартовским, второй – психологическим, третий – постклассическим (он задан методологической и феноменологической концепциями мышления).

• Возвращение в научный предмет («дисциплинарный поворот»), что предполагает создание первых образцов новых понятий и способов познания.

Следующий, второй, важнейший принцип методологии – *контроль за правильностью методологической мысли*. Если методолог берет на себя ответственность за предлагаемые им новации, которые могут быть достаточно кардинальными, то он обязан продумывать и контролировать собственную мысль и деятельность. Контроль имеет две стороны: *самоорганизацию методологического мышления* и *опосредованную организацию его извне*. Первое предполагает, что методолог устанавливается в своих принципах и стратегиях (продумывает их, формулирует, реализует, меняет, если нужно); второе, что он учитывает критику и анализирует, что реально получается из его проектов и усилий.

Последовательность шагов контроля: разъяснение и для других и для себя предлагаемой стратегии мышления, практическая реализация этой стратегии (кто лучше самого методолога может реализовать методологический проект или предложение?), анализ ее эффективности, обсуждение условий, позволяющих превратить эту стратегию в социальную норму, работа в этом направлении⁴.

Здесь естественно встает поставленный выше сакраментальный вопрос: где гарантии, что методологи сами правильно

⁴ Большую роль в контроле за собственным мышлением играют практикуемые в методологии коллективные формы мышления, прежде всего семинары с проблематизацией, жесткой критикой и оппонированием. Они задают ту «точку внеаходимости», о которой писал Бахтин, позволяющую задать целое и объективно взглянуть на собственное мышление. Кроме того, мышление каждого участника семинара расширяется за счет мышления других, тем самым семинар становится настоящим социальным телом мыслящего индивида.

мыслят? Ну, во-первых, в культуре никаких гарантий нет. Точнее, нет такого субъекта, который эти гарантии может дать. Во-вторых, если методолог перестраивает мышление, *учитывая его природу, следит за строгостью собственной мысли, рефлектирует ее и выставляет на обсуждение заинтересованным субъектам* (ученым, инженерам, искусствоведам и др.), *если он готов учесть их критику* (что не означает – обязательно с ней согласиться), а также *готов*, если это необходимо, *изменить собственные представления и способы работы*, то в этом случае методолог может считать свое мышление более продвинутым и совершенным. Другое дело, что подобная оценка эффективности собственного мышления в дальнейшем может оказаться неверной, однако с этим ничего поделать нельзя. Методолог – пионер, прокладывающий новые пути в мышлении, он делает все, чтобы открывать новые «дороги» мысли, но поскольку чаще всего неизвестно, куда они выводят, методология может завести нас в тупик. Тем не менее, как правило, она все же выполняет свое назначение, способствуя дальнейшему становлению и развитию мышления. А издержки и ошибки есть во всяком деле, тем более столь сложном.

Третий принцип – опора в решении методологических проблем и задач, с одной стороны, *на современные интеллектуальные технологии*, с другой – *на научное изучение мышления*. Действительно, методолог в качестве своих средств (стратегий) использует, с одной стороны, техники ведения диалога и критики, техники проектирования, программирования, научного исследования и прочее, с другой – знания, полученные в ходе исследования становления и функционирования мышления. В отличие от философии, методология специализируется

именно на технологической стороне мышления; методолога в первую очередь интересует вопрос **как**, а не **что**, даже объект или реальность он понимает как форму существования мыслительной деятельности.

А исследование мышления методологу необходимы для того, чтобы, перестраивая последнее, быть уверенным, что это делается правильно, что технологии, которые он применяет, не разрушают мышление, а способствуют его дальнейшему развитию. Дело в том, что мышление – это не только конструкция методолога, но и органическое образование, на становление и функционирование которого оказывают влияние различные и часто мало контролируемые факторы: вызовы времени, изобретения, установки мыслящей личности, условия коммуникации (понимание и непонимание, установки на согласие и сотрудничество, состав участников и др.), способы использования знаний и ряд других еще не изученных моментов.

Стоит обратить внимание на особенности изучения мышления. Оно существенно отличается от естественно-научного, где предполагается, что исследуемое природное явление уже есть и ученый только описывает его, не меняя структуру данного явления. Однако, изучая даже уже сложившиеся виды мышления, методолог существенно трансформирует их. Например, изучая гуманитарное мышление, я создавал новые, методологические интерпретации гуманитарной работы, использовал это изучение для разрешения своих экзистенциальных проблем, ориентировал исследование на методологические задачи развития и усвоения гуманитарного мышления. Все это не могло не влиять на само мышление. По сути, мои знания о гуманитарном мышлении создают условия для его развития [4].

Может показаться, что я сам себе противоречу: то говорил, что представители ММК перешли от изучения мышления к его конституированию, а здесь указываю на необходимость изучения мышления. Мне кажется, что противоречия здесь нет. Во-первых, конституирование мышления не отрицает его изучение, другое дело, что становится главным. Во-вторых, есть изучение и изучение: гуманитарное и социальное исследование, как я показываю, как раз предполагают конституирование рассматриваемого явления. В-третьих, очень важно, как понимаются знания и закономерности, выявленные в изучении. В естественной науке они истолковываются как законы, но в гуманитарной и социальной – всего лишь как гипотетические знания и схемы, которые могут быть использованы, с одной стороны, в самой науке, с другой – причем совершенно иначе, в практике, которая, в свою очередь, отличается от инженерии. Правда, иногда гипотетические знания и схемы могут быть истолкованы как «локальные законы». Речь идет о таких социальных и культурных контекстах, в которых можно предполагать сохранение условий и отношений. Например, в теории деятельности характеристика «разделение труда» – это локальный закон. Действительно, начиная с культуры древних царств и до нашего времени мы наблюдаем в хозяйственной жизни разделение труда, поэтому и можем говорить о локальном законе. Но, кстати, в самой первой культуре – архаической – разделение труда еще не сложилось, а в настоящее время сетевые формы деятельности в ряде случаев приводят к тому, что разделение труда исчезает, его заменяют более сложные формы деятельности.

Органическая, в том числе культурно-историческая природа мышления, на

мой взгляд, делает невозможным реализацию социокультурного подхода в отношении к мышлению. Методология конституирует только рациональную составляющую мышления, безусловно важную составляющую, но не единственную. Чтобы взять методологическое построение, его еще нужно понять и убедиться, что оно на самом деле работает, как и обещано. А это зависит уже не от методолога, а от многих объективных и субъективных обстоятельств. Кроме того, реформирование больших областей и сфер деятельности не под силу современной, даже самой продвинутой социальной технологии. Не всё, например, можно спроектировать и в силу сложности проектируемого явления, и в связи с его органичностью. Мышление не здание и не механизм, оно меняется в том числе, поскольку мы его изучаем и перестраиваем, поскольку вклад в мышление делают другие люди и разные, не всегда осознаваемые обстоятельства. Да, в идее методологии заложена установка на организацию и нормирование мышления, но реализуется она только частично.

Четвертый принцип – разделение методологии на две сферы: **частную** и **общую**. Задачи частной методологии – перестройка способов мышления в той или иной *конкретной дисциплине* (в определенном направлении философии, конкретной науке, конкретном типе проектирования, определенном виде искусства и т. д.). Основная задача общей методологии – исследования и разработки, позволяющие создавать *средства для частных методологов*. Например, для рефлексивного поворота нужно обсуждать, что такое рефлексия и какие виды рефлексии существуют. Для перестройки или создания новых рефлексивных содержаний (понятий, схем, идеальных объектов, процедур, знаний и пр.), соответственно, необходимы

знания их природы. Так вот все эти исследования (мышления, деятельности, понятий, схем и т. д.) – предмет общей методологии. Например, как частный методолог, я обсуждаю в психологии программы ее реформирования (К. Левина, Л.С. Выготского и др.), основные стратегии психологического исследования, особенности психологических понятий, критерии истинности психологических знаний, эффективность психологической практики и др. В общей методологии я для решения этих задач изучаю соотношение естественно-научного и гуманитарного подходов, природу и типы эксперимента, формирование психологии как науки, становление новоевропейской личности и много других тем, которые позволяют получить знания, используемые в частной методологии.

Частный методолог идентифицирует себя как действующего в *кооперации с предметником* (философом, ученым, педагогом, проектировщиком и т. д.). Хотя он и дает рекомендации ему, как мыслить и действовать, но не потому, что знает подлинную реальность, а в качестве специалиста, изучающего и конституирующего мышление, такова его роль в разделении труда. Кроме того, он апеллирует к *опыту* и *природе мышления*: ведь действительно мышление становится более эффективным, если осуществляется критика и рефлексия, используются знания о мышлении, если методолог вместе с предметником конституирует мышление. Частный методолог использует весь арсенал методологических средств и методов, понимая свою работу как *обслуживание специалистов-предметников*, т. е. он не только говорит им, как мыслить и действовать в ситуациях кризиса, но и ориентируется на их запросы, в той или иной степени учитывает их видение реальности и проблем, ведет с ними равноправный диалог.

Пожалуй, пятая особенность методологии – ее *связь с философией*. Акцентируя технологическую сторону дела, сосредотачиваясь на мышлении и его реформировании, методология нуждается в более широком взгляде, учитывающем личность мыслящего и само бытие (время), его вызовы и сущность. Конечно, можно считать, подобно Щедровицкому, что все это должно учитываться в самой методологии, но я так не думаю. Вряд методология, претендующая на ассимиляцию философии и наук, будет жизнеспособным и культуросообразным социальным организмом.

Переход от изучения мышления к разворачиванию методологического мышления позволило создать эффективно действующую отечественную школу методологии, но одновременно возникли проблемы, которые способствовали кризису методологии. Одно обстоятельство зафиксировал сам создатель ММК: это обособление отдельных групп методологов, по-разному разворачивающих методологическое мышление. С одной стороны, это было связано с ослаблением влияния и контроля со стороны главы школы, который раньше удерживал целое, задавая единые нормы работы и ценности, с другой – с реализацией продвинутыми методологами собственных ценностей и опыта мышления⁵. Пока Щедровицкий мог контролировать каждо-

го участника ММК, школа сохраняла свое единство. Сама логика методологического мышления, предполагающая реализацию ценностей и установок методологов как личностей, а также собственного опыта мышления, рано или поздно вводила их от общего направления движения, а по-сути от того, которое задавал Щедровицкий. Например, я вышел из семинара Щедровицкого, когда осознал, что у меня сложился собственный опыт мышления, поскольку я стал специализироваться как методолог в гуманитарных областях, что мои основные ценности расходятся с ценностями учителя, что я уже не могу следовать его указаниям. В результате уже в 1960-е годы из семинара ушли самые сильные его участники (правда, потом выросли новые), а начиная с конца 70-х, 80-х годов не без конфликтов обособляются разные направления и варианты методологии.

Само по себе это нормально и закономерно, проблема в другом: эти направления почти не коммуницируют между собой, в результате почти не понимают друг друга и не обогащают собственное мышление за счет других методологических тел. Разные направления методологии образуют «методологическое движение», но «методологическая культура», о которой я писал, пока не складывается.

Вторая проблема – практически невозможно стало опираться на предельную онтологию деятельности. Выше я отмечал, что деятельности как предельной онтологии приписывались такие характеристики, которые позволяли реализовать ценности участников ММК 1960-х годов, причем в условиях, когда Г. Щедровицкому удавалось сохранять единство методологического мышления. Но обособившиеся участники ММК разделяли другие ценности, у них

⁵ Например, О. Генсаретский стал развивать философский вариант методологии. Я, осмысляя практику гуманитарного и культурологического мышления, а также не разделяя ценностей социотехнического подхода, вышел к идеям «методологии с ограниченной ответственностью»; С. Попов, напротив, пошел в сторону методологической и социальной инженерии и т. д. После смерти Г. Щедровицкого методология распалась на ряд отдельных направлений, организационно оформившихся или в самостоятельные группы или семинары, или даже просто существующие в лице отдельных известных методологов.

сложился свой опыт методологического мышления, а следовательно, нужны были другие предельные онтологии. Тем не менее методологи продолжают пользоваться представлениями теории деятельности⁶.

Третья проблема встала в связи созданием ОДИ (оргадеятельностных игр). Здесь преследовались несколько целей: развитие на материале новой «методологической практики» (а именно так понимались ОДИ) самой методологии, демонстрация эффективности методологического подхода при решении сложных народнохозяйственных задач, рекрутирование на основе ученых и специалистов, участвующих в играх, новых методологов. В первых играх Г. Щедровицкому удавалось за счет опыта работы с людьми, методологического сценирования и большой предварительной подготовки последовательно проводить методологический подход.

Но уже при проведении первых ОДИ стало понятным, что для реализации этого подхода, построения игры и эффективно ее проведения необходимы специальные прикладные методологические исследования, подготовка методологов, ведущих игру (они получили название «игро-

техников»), работа по изменению сознания и видения участников игры, организация и управление игровым процессом и всеми участниками ОДИ. Происходило смещение задач и предметов: от собственно методологических к организационным, управленческим, образовательным, практико-психологическим. Пока Щедровицкий со товарищи удерживали целое и методологические рамки, ОДИ решали поставленные задачи, способствуя развитию методологии, но постепенное смещение задач и предметов все больше деформировало методологическое сознание, переводя понимание методологии, на мой взгляд, в несвойственное ей русло. Трансформация шла по трем основным направлениям: методология стала истолковываться как теория и практика управления мышлением управленцев (Г. Щедровицкий), как теория и практика социальной инженерии (С. Попов, Б. Сазонов), как коммуникационный и образовательный менеджмент (С. Зинченко, Ю. Грязнова). Как следствие – потеря методологией правильных ориентиров и резкое снижение культуры методологического мышления и работы.

Решение этих вторичных задач, с которыми пришлось иметь дело методологам, к сожалению, постепенно заслоняли исходные цели, а также снижали саму методологическую культуру мышления. Причина не только в неподготовленности многих методологов, участвующих в ОДИ, а, с одной стороны, в естественном смещении задач (с методологических на организационные, психологические – например, поиски способов вменения методологических схем – управленческие, исследовательские, социальные и пр.); с другой – в особенностях того же методологи-

⁶ Конечно, есть исключения. Так, в моих методологических штудиях в качестве предельной онтологии выступает троица – культура, личность и социальность, находящиеся в симбиотических отношениях. Деятельность я рассматриваю как воспроизводящую локальную или более долговременную (но не вечную) реальность в пространстве этих трех начал. Кроме того, у меня другие средства конфигурирования рефлексивных содержаний: не системно-структурная методология, как у Г. Щедровицкого, а ряд холистических принципов (например, принцип распределенного целого, в соответствии с которым целое и его стороны не даны исходно, а нащупываются в процессе осмысления-исследования, или принцип схематизации рефлексивных содержаний как способ перехода от проблем личности к новой реальности, которую она задает).

ческого мышления, спровоцировавшего самостоятельное понимание и решения задач, встававших в ОДИ; с третьей стороны, в отставании форм методологической рефлексии.

В результате не только обособляются как самостоятельные указанные вторичные задачи, но под их влиянием у ведущих методологов изменяется понимание самой методологии, причем опять в разных вариантах. Так, Г. Щедровицкий стал истолковывать методологию как «управление управленцев» (отсюда создание им концепции ОРУ), С. Попов – как методологическое инженерное решение социальных задач, А. Зинченко и Ю. Грязнова – как коммуникационный методологический менеджмент. Другими словами, происходит коррумпия методологии, а методологи оказываются не на своей территории и вступают в конкуренцию с более подготовленными специалистами в этих областях.

Развитие ОДИ постепенно изменяло и понимание мышления. Именно в практике оргдеятельностных игр было осознано, что методологическое мышление конституируется и развертывается под влиянием *коммуникации* (проблематизации и критики, диалога и рефлексии различных подходов и позиций, непонимания – понимания, коллективного мышления и т. п.). По сути, в ММК так было всегда, но осознание этой детерминации произошло только в ОДИ, при столкновении разных игровых групп. Хотя методологи сценировали игры и старались в ходе игры управлять игровой стихией (навязывая ее участникам методологические схемы, логику мышления, общую организацию), тем не менее и самим организаторам игр приходилось менять заранее сценированное поведение, вступать в диалог с ее участниками, частично поступаться

собственными принципами. К тому же ряд ведущих методологов отказались следовать общим методологическим нормам и сценариям игр, которые вначале задавал или утверждал Щедровицкий. Они стали создавать и предъявлять как не менее эффективные и обоснованные свои собственные методологические нормы и сценарии игры. Причем на сей раз конфликт разрешился нетрадиционно: не путем вытеснения нарушителя в «другую комнату», т. е. отрицания любого способа мышления, отличающегося от закрепленного и охраняемого самим Щедровицким. Было признано право участников игр и семинаров на свою точку зрения, которая затем, однако, должна была вводиться в общее поле коммуникации и там совместно прорабатываться. Примерно в таком контексте и возникло понятие «мысли-коммуникации», потянувшее за собой необходимость очередного пересмотра методологической реальности.

Осознавая указанные три основные детерминации и составляющие методологического мышления (проектную, мыслительную и коммуникационную), Щедровицкий, во-первых, был вынужден развести деятельность и мышление⁷; во-вторых,

⁷ В начале 90-х годов Щедровицкий признает, что деятельность – это, оказывается, еще не вся реальность. Например, важную роль в формировании последней играют процессы коммуникации, что мышление так и не было проанализировано, наконец, что методолог не может сам подобно демургу создавать новые виды деятельности. Требуется разворачивать организационно-деятельностные игры, которые представляют собой «средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм соорганизации коллективной мыследеятельности».

«С этой точки зрения, – пишет Щедровицкий в одной из своих последних работ, – сами выражения “деятельность” и “действие”, если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и

понял, что понятие «деятельность» не может выступать основанием методологии, поскольку не схватывает вторую и третью составляющую; в-третьих, он вводит (полагает) новое основание методологии – **мыследеятельность**, содержащее как раз три указанные составляющие («пояса» мыследеятельности). Первый пояс, «мыследействие», представлял собой обобщение и объективацию проектной составляющей методологического мышления; второй, «мышление», – объективацию мыслительной составляющей; третий, «мысли-коммуникации», – коммуникационную составляющую методологического мышления. При этом мышление понималось как подсистема в схеме мыследеятельности. Почему новая реальность была названа мыследеятельностью? Вероятно, потому что в ОДИ, с одной стороны, решались познавательные задачи, т. е. осуществлялось мышление, с другой – происходило программирование и организация мышления всех участников игры, что по традиции понималось как деятельность. Тем самым был сделан важный шаг – задана новая рамка для изучения мышления и указан его контекст.

В этой третьей концепции мышления, где последнее выступает в качестве подсистемы мыследеятельности, большее значение приобретают методологические схемы. На них не только разворачивается ме-

упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение «мыследеятельность», которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение «деятельность» как при исследованиях, так и в практической организации» [5, с. 297–298].

тодологическое проектирование и исследование, осуществляется коммуникация, но именно методологические схемы связывают все эти три важные процедуры и тем самым (по материалу) пояса мыследеятельности.

Значение схем для методологии можно лучше уяснить, вспомнив, как формировалось естествознание. Языком естествознания выступила переосмысленная в философии математика. В свою очередь, схемы – это *язык гуманитарных наук, философии и методологии* [8]. Говоря выше о необходимости контроля методологической мысли, я имел в виду в том числе и *логику схематизации* (построения и употребления схем). Точнее, контроль предполагает реализацию сразу трех логик: *логики схематизации, логики построения идеальных объектов и логики обусловленностей* (т. е. анализ и учет вызовов времени, коммуникации, особенностей культуры, ценностей личности и др.).

Я кратко рассмотрел эволюцию отечественной методологической мысли. На мой взгляд, она прошла в своем развитии ряд этапов, претерпевая сегодня настоящий кризис. Однако, как писал М. Хайдеггер в статье «Вопрос о технике», «где опасность, там и вырастает спасительное». Кризис отечественной методологии – не катастрофа, это стимул для очередной рефлексии и работы, направленной на реформирование самой методологии, а ведь, как я отмечал, методология и должна решать подобные задачи. Реформа методологии должна ответить и на такие три современных вызова:

– разработка методологии социальных наук и дисциплин, которая уже идет полным ходом (см. например, работы З. Баумана и Б. Латтура), но, к сожалению, не в методологии;

– разработка методологии коммуникаций для современных условий множественности парадигм, дискурсов и миров (реальностей), а также кризиса матанарративов;

– разработка методологии индивидуального мышления, которая бы помогла современной личности помыслить спасение и свой жизненный путь (эта задача, аналогичная той, которую в свое время решал Платон, а в наше время, например, М. Мамардашвили, обсуждая в своих лекциях жизнь Декарта или что такое «человек пути»).

Лично я спокойно смотрю на судьбу современной, в том числе отечественной методологии. Она уже прошла большой путь, и главное – в ее лоне выросли неплохие методологи. Кризис и проблемы прео-

долимы, если есть подготовленные и ответственные специалисты.

Литература

1. Розин В.М. Семiotические исследования. – М.: Университетская книга, 2001. – 256 с.
2. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М., 2011. – 256 с.
3. Розин В.М. Что такое мышление? // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1 (11). – С. 37–58.
4. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М., 2008. – 208 с.
5. Щедровицкий Г.П. Схема мыслительности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995.

THINKING IN ITS RELATION TO THE METHODOLOGY

V.M. Rozin

Institute of Philosophy of the RAS,
Moscow

iph@iph.ras.ru

The article is about the evolution of Russian methodological thought. It deals with a philosophic school named the Moscow Methodological Circle. A transition is analysed, from studying thinking at the first stage to thinking design at the second one. The first stage was characterized by interpreting thinking from semiotic and historical points of view. At the second stage, the problem is posed to develop a theory of activities. The thinking process is interpreted herein as an activity called «the methodological thinking». The knowledge about thinking is not sourced from the research but from the methodologists' own creation process. Specific features of the methodological thinking and new methodological practice are researched. The methodological thinking is regarded as the utmost ontology. A problem is posed to improve ill-formed thinking practices. A number of principles underlying the methodological approach are worded: methodologists' creation process as the basis, control over the regularity of the methodological thought, the link between methodology and philosophy, acquisition of intellectual technologies, differentiation of particular and general methodology. Several individual methodological schools are formed, together with revealing a crisis of the methodological thought. Approaches to its solution are discussed: new challenges for methodology, a need for different variations of the «utmost ontology», maintaining the culture of methodological thinking, better understanding the history of methodology.

Keywords: activities, creation process, culture, history, methodology, thinking.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-56-66

References

1. Rozin V.M. *Semioticheskie issledovanija* [Semiotic studies]. Moscow: Universitetskaja kniga [University book], 2001. 256 s.
2. Rozin V.M. *Vvedenie v sbemologiju. Shemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to semologie. Schemes in philosophy, culture, science, engineering]. Moscow, 2011. 256 s.
3. Rozin V.M. *Chto takoe myshlenie?* [What is thinking?] // *Idei i ideally* [Ideas&Ideals.Novosibirsk]. 2012. N 1 (11). – S. 37–58.
4. Rozin V.M. *Osobennosti diskursa i obrazy issledovanija v gumanitarnoj nauke* [Features of discourse and samples of research in the Humanities]. Moscow, 2008. 208 s.
5. Shhedrovickij G.P. *Shema mysledejat'nosti – sistemo-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie* [Scheme of activity think – systemic-structural structure, meaning and content]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Shkola Kul'turnoj Politiki [The School of Cultural Policy Publ.], 1995.